

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
П71

Редакционный совет проекта «Президентская историческая библиотека» серии «Победа»:

Нарышкин С.Е. — председатель Российского исторического общества, председатель Редакционного совета

Афанасьев М.Д. — член совета Российского исторического общества, директор Государственной публичной исторической библиотеки России

Бак Д.П. — член совета Российского исторического общества, директор Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля

Варламов А.Н. — ректор Литературного института им. А.М. Горького

Могилевский К.И. — член Президиума Российского исторического общества, член Правления Российского исторического общества, исполнительный директор фонда «История Отечества»

Новиков О.Е. — президент Издательской группы «Эксмо-АСТ», заместитель председателя Редакционного совета

Петров Ю.А. — член Президиума Российского исторического общества, директор Института российской истории РАН

Полонский В.В. — директор Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН

Хорошилов П.В. — член Правления Российского исторического общества, ответственный секретарь Редакционного совета

Чубарьян А.О. — сопредседатель Российского исторического общества, академик РАН, научный руководитель Института всеобщей истории РАН

Редакционная коллегия проекта «Президентская историческая библиотека» серии «Победа»:

Абрамова М.Н. — председатель Редакционной коллегии, председатель Комитета Российского книжного союза по региональному развитию

Быстрова О.В. — ответственный редактор тома «Публицистика», старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН

Гребенева Е.Н. — руководитель направления по взаимодействию с региональными органами государственной власти Издательской группы «Эксмо-АСТ»

Дмитренко С.Ф. — ответственный редактор тома «Поэзия», проректор по научной и творческой работе Литературного института им. А.М. Горького

Илларионова Э.О. — ответственный секретарь Редакционной коллегии, координатор проекта «Президентская историческая библиотека»

Кожанова Е.С. — директор департамента стратегических коммуникаций Издательской группы «Эксмо-АСТ»

Пенская Е.Н. — ответственный редактор тома «Драматургия», ординарный профессор Высшей школы экономики, руководитель Школы филологии факультета гуманитарных наук (Москва)

Фокин П.Е. — ответственный редактор томов «Проза», историк литературы, заведующий отделом «Дом-музей Ф.М. Достоевского» ГМИРЛИ им. В.И. Даля

Шапошников К.А. — заведующий справочно-библиографическим отделом Государственной публичной исторической библиотеки России

П71 **Президентская историческая библиотека. 1941—1945.**
Победа. III. Поэзия / составление, вступительная статья
С.Ф. Дмитренко, биографические справки С.Ф. Дмитренко и Р.Р. Кожухарова. — Москва : Эксмо, 2020. — 560 с.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

© Сурков А.А., наследники, 2020

© Долматовский Е.А., наследники, 2020

© Исаковский М.В., наследники, 2020

© Щипачев С.П., наследники, 2020

© Пастернак Б.Л., наследники, 2020

© Алигер М.И., наследники, 2020

© Симонов К.М., наследники, 2020

© Зенкевич М.А., наследники, 2020

© Антокольский П.Г., наследники, 2020

© Твардовский А.Т., наследники, 2020

ISBN 978-5-04-109786-8

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ПОЭТЫ И ВОЙНА

22 июня 1941 года в истории отечественной литературы произошло невероятное в своей оглушающей реальности событие. Всего в течение нескольких часов та литература, которая существовала прежде — и русская классическая, и литературы народов тогдашнего Советского Союза, — перенесла коренное преобразование. Этот поистине тектонический сдвиг смыслов и ценностей был замечен, принят как данность, но обдумывается он до сих пор, будет обдумываться и после празднования 75-летия Победы.

Внешне, со стороны идеологии, он выразился в том, что повсеместный в СССР лозунг при логотипах периодических изданий — *Пролетарии всех стран, соединяйтесь!* — на всех военных газетах вскоре сменился иным: *Смерть немецким оккупантам!*

Этой заменой был вбит первый кол в могилу Коминтерна с его повсеместно и разнообразно укореняемой грёзой о мировой пролетарской революции. Национал-социалистические пролетарии вместе со всеми своими союзниками предали Сталина и всей своей мощью снесли сочиненную им и его соратниками военную доктрину.

Но роковое 22 июня предъявило и другой кол для обозначения еще одной могилы — могилы для наших превратных представлений о мире, его прошлом, современности и историческом развитии. Литература, которую четверть века возвращали большевики, литерату-

ра, упакованная в короб идеологического соответствия и отмаркированная трафаретом социалистического реализма, литература эта моментально была разорвана реальностью и превращена в мелкий прах.

Ее мнимости, ее фантомы и мифы мгновенно улетели на макулатурную свалку. Зато слово, то живое народное слово, которому назначается воплотиться в художественном творчестве, слово, освобожденное вселенской катастрофой от всех пут, было поставлено лицом к лицу с действительностью, не тщетно измышляемой правителями, а вечно произрастающей на почве судьбы и совести.

Так началась совершенно особая и вместе с тем почти безграничная часть русской и мировой литературы, составляемая произведениями о Великой Отечественной — Второй мировой войне. А здесь, в свою очередь, тоже возникло свое удивительное, всё расширяющееся поле — стихотворения и поэмы об этой войне.

За семь с лишним десятилетий, минувших после Победы, изданы тысячи книг о войне, десятки военных антологий, но нынешняя библиотека, вне сомнений, будет иметь особое значение. По предложению Российского исторического общества в нее включаются только те произведения, которые были созданы и, главное, опубликованы непосредственно в период Великой Отечественной войны, то есть с 22 июня 1941 года по 9 мая 1945 года. Таким образом, все читатели антологии, включая очевидцев событий, получают удивительную возможность прочувствовать возвеличенное историей время, оказавшись внутри этого пространства и вместе с тем установив новые связи между ним и современностью, в которой все мы сейчас пребываем.

Историки литературы, работая над темой Великой Отечественной войны и стремясь осмыслить ее во всей полноте и сложности, давно пришли к выводу о двух взаимосвязанных линиях в ее развитии. Литература, пусть и выломившаяся за пределы соцреализма, в особых, военных обстоятельствах должна была обеспечивать боевую поддержку находящихся как на фронте, так и в тылу. Давнее установление: *певец во стане русских воинов* — не только стало вновь актуальным, но и неизмеримо расширило поле своего действия. Но прагматические цели не могли оттеснить уже существующую в отечественной литературе традицию художественно-философского исследования феномена *человек на войне* во всех его метафизических глубинах.

Сегодня очевидно, что наряду с естественным развитием отечественной военной литературы в XX веке у нее появились новые художественные открытия. Так, мы долгие годы избавлялись от превратного ожидания в нашей литературе некоей всеохватной военной эпопеи, как ее часто называли, *новой «Войны и мира»*. Тем самым совершенно уходили от осознания своеобразия художественной словесности, гипнотизировались мифом, что количество может обеспечить качество. Не говоря о том, что предельно упрощали смысл и место самого произведения «Война и мир» в национальной культуре и в круге национального чтения. Только через несколько десятилетий стало очевидно: главная цель пишущих о войне не в том, чтобы захватить как можно больше батальных событий и действий Ставок, а в передаче душевных состояний тех, на чью долю выпала судьба и честь отстаивать свободу и независимость нашей страны.

Поэтому в авангарде главного калибра прозы о Великой Отечественной войне стоят не многотомные эпопеи (были у нас и такие), а проникновенные повести и рассказы — «Пастух и пастушка» Виктора Астафьева, «Убиты под Москвой» Константина Воробьева, «На войне как на войне» Виктора Курочкина, «Спутники» Веры Пановой, «Почем фунт лиха» Григория Бакланова, «Тишина» Юрия Бондарева...

В нашей военной поэзии, созданной непосредственно в ратные годы, есть немало произведений, занявших свое выдающееся место как шедевры эмоциональной агитации. Но большинство из них осталось памятниками эпохи, хотя и в них порой просматривается стремление их авторов подсветить абрисы газетной однодневности зарницами вечности.

Военная пора литературы также создала замечательный эффект, хотя в искусстве и не новый, но, как видно, имеющий свои особенности в разные исторические эпохи.

Хорошо известно, что после появления «Войны и мира» (а произошло это полвека спустя относительно описываемых в книге событий) еще живые очевидцы стали упрекать автора в исторических неточностях и в фактических ошибках. Но вскоре оказалось, что психологическая точность изображенного Львом Толстым непреложна, а читатели, в частности, несмотря на все остережения и оговорки историков, в большинстве своем получают представления о Бородинском сражении, читая «Войну и мир», а не научные исследования о нем.

В случае с Великой Отечественной войной этот парадокс повторяется. Так, в постсоветское время было сделано

немало для восстановления исторически достоверной, свободной от умолчаний и искажений картины причин, хода и результатов Второй мировой войны и Великой Отечественной войны как ключевой ее части.

Мы получили свидетельства об особенностях развития боевого сопротивления в тылу врага, возникновения партизанского движения. Были открыты новые подробности подвига Зои Космодемьянской. Но все это никак не преуменьшило значение и художественный смысл поэмы Маргариты Алигер «Зоя», написанной сразу после произошедшей трагедии, в 1942 году.

В том же году появилась поэма знаменитого комсомольского поэта Михаила Светлова «Двадцать восемь», посвященная сражению под Москвой и событиям, которые благодаря военным корреспондентам сразу стали восприниматься как *подвиг героев-панфиловцев* — бойцов 316-й стрелковой дивизии под командованием генерал-майора И. В. Панфилова, погибшего в те же ноябрьские дни. И хотя уже в 1948 году советская прокуратура установила расхождение между реальными фактами боя и дальнейшими его описаниями, под сомнение героизм и самопожертвование наших воинов никогда и никем не ставились.

Опытнейший литератор, Светлов, характер которого формировали разломные события Гражданской войны в нашей стране, вероятно, собирая материал, не только понимал, но и знал, что ему не удастся реконструировать историю прославленного боя как историку. Поэтому он пошел проверенным путем писателя, всегда сосредоточенного на изображении человеческих характеров в драматических обстоятельствах.

*Положи на сердце эту песню.
Эту строчку каждую возьми!..
Жизнь гвардейца! Повторись! Воскресни
Песнею о двадцати восьми! —*

так начинает он свою поэму.

*Проходи, мой стих, путем победным,
Чтобы, изучая, не спеша,
Не дымком воспоминаний бледным —
Дымом артиллерии дышать!*

И силою литературы Михаил Светлов, как и Маргарита Алигер, достигает возвышения происшедшего до эпически непреложного, исторически вечного.

Здесь следует отметить одно удивительное обстоятельство, возникшее именно в литературе, рожденной 22 июня. Кровавые сражения, бои за Победу стали не только темой литературы, они вызвали особый художественный эффект, которого невозможно было бы достичь прежде, причем в кратчайшие сроки. С одной стороны, вполне советские поэты с их восприятием литературы как служанки большевистской идеологии перед лицом судьбы и смерти смогли отбросить добровольно принятые на себя вериги и стать подлинными выразителями происходящего с народом в годину испытаний. С другой стороны, поэты еще Серебряного века, надолго потерявшие право свободного творческого выражения в осмыслении самых сложных проблем бытия, получили возможность высшей мерой проверить свое право быть самими собой, перейти от естественных искушений художественных экспериментов к поэтике единственных слов. Например, в военных стихотворениях Бориса Пастернака, помещенных в этой антологии, очевидны новые интонации в уже

классическом при всей его самобытности голосе. Но они не просто попытка войти в унисон с ритмами и рифмами войны, а обретение особого зренья, которое следом воплотится и в лирике, сопровождающей «Доктора Живаго». Пример не единственный.

Правда, на этом поле есть коллизия, сказать о которой требует историческая справедливость. Еще один поэт Серебряного века, начинавший в кругу акмеистов, Михаил Зенкевич, несмотря на серьезный возраст — 55 лет, часто выезжал на фронт, стал, по сути, военным корреспондентом. За военные годы он написал немало замечательных стихотворений, но опубликовать их ему удалось много позднее, печаталась у него в основном агитационная мелочовка.

Хорошо известны и должным образом прославлены трагические музы ленинградской блокады — Ольга Берггольц и Вера Инбер. Но ведь есть и третья, в этом своем достоинстве донине малоизвестная, Наталья Крандиевская. Также взрощенная Серебряным веком, но почти оставившая поэзию в советские десятилетия, она, оказавшись жительницей блокадного города, создала свою поэтическую хронику пережитого ленинградцами и ею. Однако мощь ее эмоционального воздействия оказалась настолько свободной и разрушающей стереотипы, что сталинско-ждановская пропаганда попросту заточила ее блокадную лирику в крепость литературного небытия, спрятала от читателей. Хотя в литературе не работает принцип чемпионства и «первого, второго, третьего...», если обратиться к справедливо канонизированным произведениям Ольги Берггольц и Веры Инбер о блокаде, мы, современные читатели, увидим, насколько лирика Крандиевской ближе к судьбе каждого переживающего

блокаду, как художественно совершенно воплощается в ее строках провозглашенный именно Берггольц принцип: *никто не забыт и ничто не забыто*.

Наша поэзия военных лет была в основе своей советской и создавалась для подцензурной печати. Но быть «советской» в тех условиях уже не означало — с шумом и треском иллюстрировать большевистские лозунги. Конечно, коммунистическая власть и в годы войны боролась за свое сохранение и укрепление — чего и, не без помощи союзников, добилась. Но кроме большевистского государства существовала и огромная страна, в которой эта власть волею судьбы угнездилась, страна, подвергшаяся вражескому нашествию, и именно в этом ключ к пониманию происходившего с народом в 1941—1945 годах. «Запомни: все это Россия, которую топчут враги», — звучит в одном из стихотворений той стальной поры. Вот вокруг такого осознания все и собиралось, все этим осознанием и направлялось. Недаром уже в глубоко послевоенное время один из поэтов мирного поколения написал, что солдаты с криками «За Сталина!» шли в атаку за него, за таких, как он, еще не родившихся. То есть — за свое собственное будущее. Если им его дала судьба.

Трагический отсвет лежит на страницах стихотворений поэтов, павших на фронтах Великой Отечественной войны. В нашу антологию большинство из них не вошло потому, что сохранились они лишь в рукописях и публиковались через годы, в мирное время¹.

¹ Здесь направляем читателей к замечательной антологии: Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне: Стихотворения и поэмы / вступ. ст. И. Н. Сухих; сост., подг. текста, примеч. М. А. Бениной, Е. П. Семеновой. СПб.: Академический проект, 2005.

Но публиковались эти стихотворные дневники не только как дань положившим свою жизнь за Отечество. Авторам удалось воплотить в них страшный опыт своего жизненного становления, воплотить без чувства рокового тупика, метафизической пустоты.

До войны Иосиф Уткин был громким, но творчески вполне заурядным стихотворцем. Имел репутацию комсомольского поэта. Но началась война — и он ушел на фронт добровольцем, а после излечения от тяжелого ранения стал военным корреспондентом армейской газеты. Возвращаясь с редакционного задания, погиб в авиакатастрофе.

*Если я не вернусь, дорогая,
Нежным письмам твоим не внемля,
Не подумай, что это — другая.
Это значит... сырая земля.*

.....

*И доколе дубы-нелюдимы
Надо мной не склонятся, дремля,
Только ты мне и будешь любимой,
Только ты да родная земля!*

Уроженец Одессы Леонид Шершер писал стихи с детства, окончил знаменитый Институт истории, философии и литературы (ИФЛИ), но с творчеством у этого вольного человека не все получалось... Уже с августа 1941 года он стал военным корреспондентом газеты авиации дальнего действия «За правое дело», но этого ему было мало — стрелком-радиостом он стал участвовать в боевых вылетах. Погиб во время выполнения боевого задания. Стихи остались.

*Фронтная судьба! Что есть чище и выше на свете!
Ты живешь, ощущая всегда, как тебя обдает
Бескорыстный, прямой, удивительной ясности ветер
От винта самолета, готового в дальний полет.*

В 1941 году выпускнику-отличнику самарской школы Захару Городисскому исполнилось восемнадцать лет. Он ушел на фронт добровольцем. Был разведчиком, пулеметчиком. В феврале 1942 года получил первое ранение. После излечения вернулся в строй. 1 июля 1943 года был контужен, но не покинул поле боя, за что удостоен медали «За отвагу». 12 июля на Орловско-Курской дуге при атаке был тяжело ранен в обе ноги и скончался от последствий этих ранений. Награжден за этот бой второй медалью «За отвагу».

*Если мне смерть повстречается близко
И уложит с собою спать,
Ты скажешь друзьям, что Захар Городисский
В боях не привык отступать.
Что он, нахлебавшись аморального ветра,
Упал не назад, а вперед,
Чтоб лишних сто семьдесят два сантиметра
Вошли в завоеванный счет.*

Городисский написал эти восемь строк за три дня до гибели, и они — его бесценный вклад в арсенал нашей военной лирики.

Юный лейтенант-артиллерист Леонид Розенберг писал стихи и посылал их с фронта своей матери. Он погиб при освобождении от фашистов прибалтийских земель, но стихи сохранились и также стали теперь частью лирической летописи Великой Отечественной войны.

Мы вспоминаем о творческих судьбах, насильственно оборванных. Но даже безжалостной смерти не удалось выкосить все таланты, срезать их на взлете.

Давно пишут о феномене поэтов и писателей, прошедших фронт, а затем учившихся в Литературном институте. Феномен был и останется, но надо обратить внимание и на то, что именно бойцы, прошедшие фронт и оказавшиеся студентами Литературного института (а ведь были еще и фронтовики-преподаватели, среди них — Михаил Светлов, Евгений Долматовский, Александр Коваленков...), окончательно и бесповоротно превратили задуманный Горьким инкубатор производителей литературы по-советски в уникальную школу литературного мастерства¹.

Конечно, вопрос о качестве созданного в годы войны оставался. Сегодня нет никакой нужды скрывать, что и литература, и искусство в советское время развивались в условиях жесточайшего, часто иррационального цензурного надзора (а в годы войны к цензуре политической полноправно присоединилась и цензура военная, никогда не бывшая мягкой). Это, разумеется, сильно осложняло работу любого пишущего человека: от фронтового корреспондента до отмеченного премиями и орденами маститого советского классика. Разумеется, многое из массива военной литературы не вышло за пределы тех страниц, на которых впервые увидело

¹ См.: «Поклонимся великим тем годам...»: Антология стихотворений выпускников, преподавателей и студентов Литературного института имени А. М. Горького / Авторы проекта и сост.: Б. Н. Тарасов, Г. Н. Красников, Г. Н. Дубинина. М.: Изд-во Лит. ин-та им. А. М. Горького, 2010.